

Г.Ю. Колева

ЛОГИКА РЕПРЕССИЙ КОНЦА 1930-х гг. В ПРЕДЕЛАХ БЫВШЕЙ ТОБОЛЬСКОЙ ГУБЕРНИИ

Опираясь на архивные документы определены основные категории и группы репрессированных в 1930-е гг. в пределах бывшей Тобольской губернии, будущей Тюменской области. К указанным категориям с учетом принадлежности к территории, отнесены ссыльные по политическим и административным статьям и местные жители. Группы репрессированных выделены на основании главных причин привлечения их к политической ответственности. Вследствие этого автор принял попытку проследить логику репрессий.

Ключевые слова: политические процессы; репрессии; высшая мера наказания; исправительно-трудовые лагеря; арестованные; категории и группы репрессированных; бывшая Тобольская губерния; конец 1930-х гг.

В рамках советского периода конец 1930-х гг. ознаменовался наиболее масштабными репрессивными политическими процессами, которые охватили территорию всей страны. Не стала исключением и часть Омской области, соотносившаяся с бывшей Тобольской губернией, включенной в область в 1934 г. Несмотря на то что со времени Большого террора минуло 80 лет, проблема требует дальнейшего изучения. В исследовании репрессий значительное место занимает анализ причин и факторов, определивших репрессивную политику 1930-х гг., что в последнее время нашло отражение в работах В.Н. Хаустова [1], К.К. Романенко [2], Н. Верта [3] и др. Определяя главенствующую роль И. Сталина в репрессиях, исследователи стремятся понять мотивы его действий. По мнению В.Н. Хаустова, И. Сталин использовал «административные... и карательные меры в условиях срыва планов индустриализации страны» [1. С. 10], сложностей в области сельского хозяйства, связывая эти явления с «активизацией... контрреволюционных сил по мере приближения к социализму», что «явились теоретической основой репрессивной политики» [Там же. С. 11]. «Важным фактором, влиявшим на репрессивную политику советского государства», исследователь считает «синдром потенциальной военной опасности». Осознание военной опасности предомлялось «в сознании руководства страны в необходимости периодических “чисток” от “бывших” “социально-опасных” и “социально-враждебных” элементов» [Там же]. К.К. Романенко близок к вышеизложенному подходу. Он считает, что И. Сталин «прекрасно осознавал, что устойчивость государства в значительной степени зависит не только от мощи его армии, но и от внутреннего состояния общества, нередко подверженного влиянию людей, представляющих социальную опасность» [2. С. 33]. Аналогичную идею можно найти и у французского историка Н. Верта. Он подчеркивает, что в условиях усложнения решаемых задач мобилизационной экономики сбой в бюрократической системе стали находить объяснение в “не том” социальном происхождении» [3. С. 154–155], что усугублялось «все более острым восприятием Сталиным угрозы войны» [Там же. С. 159]. «Большой террор» Н. Верт определяет как «централи-

зованный процесс, инициированный на самом высоком уровне и осуществлявшийся огромным аппаратом (более 370 тыс. сотрудников НКВД)» [3. С. 162]. Очень интересен подход к объяснению причин террора В.Н. Уйманова. Исследователь считает, что «корни этого явления лежат в глубине веков российской истории» [4. С. 241–243].

Важным направлением в исследованиях проблемы террора стало усиление внимания к репрессиям в провинции. «Большой террор, – подчеркивает Н. Верт, – сочетал террор против элит... с “тайным лицом” – террором по «очищению» общества... на основе “лимитов” на казнь и заключение в трудовые лагеря». Лимиты распределялись «верхушкой страны между местными руководителями». Террор направлялся против «социально опасных элементов» [3. С. 268]. В изучении проблем «репрессированной провинции» значимо выделяются научные центры Сибири – Томский государственный университет, Институт истории СО РАН, в которых сложились прочные научные подходы, насчитывающие не одно десятилетие изучения сталинского террора. Отметим только отдельных авторов среди значительного числа работающих по этой проблеме. Большой вклад в исследование политики репрессий в Новосибирской области вносит С.А. Папков [5], который проводит огромную работу по увековечиванию памяти жертв террора [6]. Среди томских исследователей по данной проблеме особое внимание обращают на себя работы В.Н. Уйманова [7], отличающиеся мощной источниковой базой, глубиной проникновения в проблему. Для нас наиболее важными разделами книг В.Н. Уйманова стали те, что посвящены анализу деятельности руководителей и оперуполномоченных НКВД, а также репрессиям против религиозных деятелей. Нельзя не подчеркнуть, что В.Н. Уйманов осуществляет неординарную по значимости последовательную работу – публикация материалов о жертвах репрессий [8].

Репрессии на территории бывшей Тобольской губернии, нынешней Тюменской области, находившейся в составе Омской области в 1930-е гг., еще нуждаются в изучении [9]. В силу закрытости доступа к огромной массе документов того периода изучение политики репрессий 1930-х гг. остается сложным де-

лом для историка. Данная работа опирается на вводимые в научный оборот документы Архива РУ ФСБ (Регионального управления Федеральной службы безопасности) по Тюменской области [10]. Основной тип документов – следственные дела репрессированных, в основном приговоренных к высшей мере наказания (ВМН) и лагерям (далее ИТЛ) с максимальными сроками наказания. В следственных делах: анкеты обвиняемых, протоколы допросов, приговоры, акты реабилитации. Документы, выдаваемые исследователю, имеют закрытые разделы. Это касается показаний свидетелей, их фамилий, всех данных о членах троек, следователей. В нашей статье использованы материалы издания «Книга расстрелянных» (в трех томах). Первый том содержит списки расстрелянных по Тюменскому и Ишимскому оперсекторам НКВД [11]; второй – по Ямало-Ненецкому, Остяко-Вогульскому и Тобольскому оперсекторам НКВД [12]; третий том дополнен списком расстрелянных за пределами так называемого Большого террора [13]. Списки, приведенные в двух первых книгах, включают 7 290 имен расстрелянных [Там же. С. 5]. Интересно обратить внимание на авторство данного издания. В томе 1 на с. 4 указано, что «особая роль в создании книг принадлежит полковнику А. Петрушину», который «помогал и словом и делом, знанием закрытых ранее архивов и запретных прежде документов». Третий том имеет обозначенное в титуле авторство «Рафаэль Гольдберг». Архивы и документы по проблемам сталинского террора как были закрыты, так и остались. И только два человека в Тюменской области по какому-то особому положению извлекают материалы из ведомого им архива, публикуют их, при этом нигде не указывают источник информации. А.А. Петрушин и в своих публикациях, оперируя информацией, не дал ни одной ссылки. Со слов Р.С. Гольдберга, источник информации – сам А.А. Петрушин, знающий «запретные документы». Несмотря ни на что, опыт публикации списков расстрелянных не может не носить положительного характера. Приводимая рядом с фамилией информация указывает на год и место рождения, род деятельности на момент ареста, даты ареста, решения тройки, расстрела. Считаем, что представленная в книгах информация – отражение работы большого коллектива. Допускаем и то, что приводимый материал мог быть картотекой некоего ведомства. Выборка информации проведена очень своеобразно. Указание на род деятельности репрессированных создает впечатление, что это были расстрелянные возчики, сторожа, рыбаки, домохозяйки, олениводы, кладовщики. И только обращение к конкретным следственным делам позволяет понять основания привлечения к политическим процессам. Практически все репрессированные, и тем более расстрелянные, имели очень сложные биографии.

Подступом к политике массовых репрессий все исследователи этой проблемы считают выступление И. Сталина на Пленуме ЦК партии 25 февраля – 5 марта 1937 г., где было заявлено, что в стране осуществляются бесчисленные вредительские, шпионские и диверсионные акции, дана критика «беспечных, благодушных и наивных руководящих товари-

щей, пребывающих в чрезвычайном самодовольстве». Благодушные руководители И. Сталин связал с рождением «недовольных и раздраженных» [3. С. 268]. В.Н. Уйманов, который рассматривает политику репрессий на широком историческом времени начиная с 1918–1919 гг., подчеркивает, что «февральско-мартовский (1937 г.) Пленум ЦК ВКП (б) окончательно ввел страну в пучину произвола...» [4. С. 75].

В главном рабочем органе партии – Политбюро – стали рождаться идеи о направлении политики репрессий. «Протокол заседания Политбюро ЦК партии от 2 июля 1937 г. “О происхождении и проведении секретной операции по репрессии “бывших кулаков, преступников и других антисоветских элементов”, – пишет Н. Верт, – нацелил на организацию репрессий на местах» [3. С. 289]. «Постановление Политбюро ЦК ВКП (б) от 2 июля 1937 г. № П 51/94 директивой № 836/ш было доведено до местных властей, и потребовало... взять на учет всех возвратившихся на родину кулаков и уголовников с тем, чтобы наиболее враждебные из них были немедленно арестованы и расстреляны в порядке административного проведения их дел через тройки, а остальные менее активные, но все же враждебные элементы, были бы переписаны и высланы... по указанию НКВД», – говорит А.А. Петрушин. В документе ставилась задача: в «пятидневный срок представить в ЦК состав троек, а также количество подлежащих расстрелу, равно как и количество, подлежащих высылке». Директиву подписал «Секретарь ЦК И. Сталин» [14. С. 55]. Процесс готовился с большой поспешностью. Решения по ним выносили так называемые тройки. Тройки представляли внесудебные органы из трех человек: первого секретаря местной (областной, краевой) парторганизации, главы областного или краевого НКВД и прокурора [3. С. 289]. Для ускорения реализации постановления Политбюро ЦК ВКП (б) нарком внутренних дел Ежов 16 июля 1937 г. созвал совещание руководителей территориальных органов НКВД [14. С. 55]. На совещании были озвучены цифры наличия «врагов народа» «по краям и областям, которые подлежали аресту и расстрелу».

Утвержденный Политбюро ЦК ВКП (б) 31 июля 1937 г. приказ НКВД № 00447 «Об операции по репрессированию бывших кулаков, уголовников и других антисоветских элементов» установил для Омской области цифры-квоты в 1 000 и 2 500 чел. [Там же. С. 56]. Первая цифра указывала на количество тех, кто должен был получить ВМН, вторая – число направляемых в ИТЛ. «Если по первому документу были названы кулаки и уголовники, то в последующем круг “врагов народа” стал расширяться: бывшие царские офицеры, чиновники, белогвардейцы, церковники, мусульманское духовенство, сектанты, языческие шаманы, участники крестьянского восстания 1921 г., к тому времени уже давно амнистированные», – пишет А.А. Петрушин [Там же]. Далее добавились кадры прекративших свою деятельность политических партий: эсеров, меньшевиков, анархистов, сионистов, мусаватистов, дашнаков [Там же. С. 57]. А.А. Петрушин приводит данные об изменениях квот по ВМН и ИТЛ в Омской области. Он указывает, что

первоначальные цифры были в 479 чел. по первой категории (ВМН) и 1 956 чел. – по второй категории (ИТЛ) [14. С. 56]. На 1 августа 1937 г. уже было арестовано 3 008 чел., без охвата ХМНО И ЯННО. Через 15 дней в телеграмме Ежову уже указывалось об аресте 5 444 чел., и содержалась просьба дать указание на увеличение лимита по 1-й категории до 8 тыс. чел. В ответной телеграмме, с припиской лично Сталину, была указана цифра в 9 тыс. чел. [Там же. С. 57]. В последующем квота была увеличена еще на 700 чел. В целом Тюменскому оперативному сектору устанавливался лимит в 3 200 чел., Тобольскому – в 1 500, Ишимскому – в 1 300, Остяко-Вогульскому – в 500, Ямало-Ненецкому – в 300 расстрелянных [Там же. С. 58]. По данным А.А. Петрушина, только за два месяца осени 1937 г. Омским УНКВД было арестовано 14 тыс. чел., проведено 408 групповых дел, осуждено по первой категории 11 050 чел., 5 004 чел. – по второй [Там же. С. 58].

Период Большого террора логически продолжил развитие идей, заложенных в УК РСФСР 1926 г., действовавшем в период 1930-х гг. Уголовный кодекс 1926 г. изначально содержал политическую направленность законодательства, где основной задачей признавались «охрана социалистического государства рабочих и крестьян и установление в нем правопорядка» [15]. В.Н. Уйминов подчеркивает, что в Уголовном кодексе РСФСР 1926 г. появилась ст. 58, которая открывала главу «Государственные преступления» и раздел «Контрреволюционная деятельность» [4. С. 63]. При этом Кодекс в целом пронизан мерами в отношении лиц, совершивших общественно-опасные действия в прошлом. Статья 6 предусматривала применение мер «социальной защиты», а ст. 9 конкретизировала их назначение: предупреждение новых преступлений со стороны лиц, совершивших их; воздействие на других неустойчивых членов общества; «приспособление совершивших преступные действия к условиям общежития государства трудящихся». Понятие «социальная защита» отражало отношение государства к тем, кто имел в прошлом «общественно-опасные действия», от которых нужно защищать общество. С постановления от 8 июня 1934 г. «О дополнительных положениях о преступлениях государственных (контрреволюционных и особо для СССР опасных преступлениях против порядка управления)» вместо термина «мера социальной защиты судебно-исправительного характера» стали применять термин «наказание». Меры «социальной защиты» судебно-исправительного характера в отношении лиц, совершивших преступления в прошлом, определялись ст. 20 УК РСФСР, предусматривавшей наказания в виде «объявления врагом трудящихся», «лишения свободы в исправительно-трудовых лагерях», «лишения свободы в общих местах заключения», «привлечения к исправительно-трудовым работам без лишения свободы». До 1933 г. применялся термин «принудительные работы». Пункт «ж» этой статьи предусматривал «удаление из пределов РСФСР или из пределов отдельной местности с обязательным поселением в других местностях». Статья 30 устанавливала, что исправительно-трудовые работы без ли-

шения свободы назначаются на срок от одного дня до одного года. Таким образом, репрессивная политика конца 1930-х гг. коренилась в УК РСФСР периода 1920-х гг.

Новым явлением в процессе «охраны социалистического государства рабочих и крестьян и установление в нем правопорядка» в рамках Большого террора, как подчеркивает Н. Верт, стало то, что Сталин лично стал направлять процесс, рассылая все новые директивы на места. Директива от 3 октября 1937 г. сообщила о «вредительской работе врагов народа в области сельского хозяйства, направленной на подрыв хозяйства колхозов и на провоцирование колхозников на недовольство против Советской власти» [3. С. 269], ставилась задача «организовать в каждой области по районам 2–3 открытых, показательных процесса над врагами народа – вредителями сельского хозяйства... с широким освещением в местной печати». Затем последовали директивы «о тематике и мишенях других показательных процессов, приговорах, которые следует выносить» [Там же]. В них указывалось, что «изобличенных во вредительстве приговаривать к расстрелу, об исполнении приговоров публиковать в местной печати» [Там же. С. 270]. С мест стали следовать сообщения о процессах [Там же. С. 274]. Н. Верт подчеркивает: «Это была «политическая компания», она была «инициирована сверху, серией циркуляров, разосланных Сталиным, и исполнявшихся областными властями» [Там же]. При создании следственных дел брались имевшиеся нарушения в процессе работы, которые определились как вредительство. Сталину направлялись подробные отчеты, при этом принимались обязательства о новых показательных процессах [Там же. С. 280].

По данным Р.С. Гольдберга, «первый массовый расстрел в Тюмени, который и знаменовал начало так называемой “операции” в пределах бывшей Тобольской губернии, произошел 5 мая 1937 г. В Тюмени состоялась “выездная сессия военной коллегии Верховного суда СССР”, осуждены были 10 человек..., приговор собственноручно привел в исполнение оперуполномоченный ГО НКВД, младший лейтенант госбезопасности Л... Первые аресты проводились на основании, имеющихся материалов об антисоветских действиях лиц, а потом уже некогда было обрабатывать эту документацию и арестовывали просто определенных граждан, которых нам заказывали», – говорил в процессе допроса 1957 г. бывший оперуполномоченный Тюменского оперсектора [16. С. 236–240].

Изучение дел репрессированных в конце 1930-х гг. в пределах западной части Омской области позволяет выявить отдельные категории и группы обвиненных в политических преступлениях против существующего режима. В рамках бывшей Тобольской губернии мы выделяем две основные категории репрессированных: прибывшие из-за пределов территории, а территория с давних времен была местом ссылки, и местные жители. Прибывшие в ссылку представляли разнообразный состав: ссыльные по уголовным, политическим, административным статьям. Нельзя исключать и самостоятельное прибытие с намерением затеряться, имея сложную биографию, в столь отдаленных местностях. Но значительная часть прибывших – направ-

ленные принудительно в рамках ссылки политической или административной. Картину ссылки в Западную Сибирь начиная с 1920-х гг. раскрывает В.Н. Уйманов [4. С. 23–27], показывая разнородность контингента: бывшие белые офицеры, каратели, контрабандисты, харбинцы, перебежчики из Китая, бывшие служащие КВЖД, военнопленные, перебежчики из Польши, Финляндии и т.д., подчеркивая, что «этот контингент и составил “социальную базу” репрессий» [Там же. С. 24].

Внутри указанных двух категорий репрессированных отмечаются отдельные группы репрессированных, выделяемые с учетом определенных черт биографии. Общими для двух категорий являются две группы. На первое место, как нам представляется, следует поставить группу репрессированных, включающую служивших в царской и белой армиях. Эта группа по численности занимала первое место в той и другой категории репрессированных. Служба в царской армии, белой армии в анкете в следственном деле выделялась отдельными графами, и в обязательном порядке это обстоятельство отмечалось в протоколе допроса, уточнялось через свидетельские показания. Никаким образом не учитывалось, что служившие в царской армии были участниками войны, которую мы называем Первой мировой, и могли быть мобилизованы. Еще одной общей для каждой категории репрессированных группой было духовенство. Служители культа были широко вовлечены в репрессии при значительном преобладании представителей православного духовенства, возможно, потому, что Тобольск был центром епархии, как и местом расположения ряда православных учебных заведений, местом концентрации значительного числа храмов и нескольких монастырей. Кроме того, в пределах бывшей Тобольской губернии в ссылке оказались крупные иерархи Русской православной церкви.

В категории ссыльных (прибывших из-за пределов территории) прослеживается очень значительная группа членов бывших политических партий. Отмечается группа «перебежчиков» из Польши, Финляндии, Германии и т.д. Имеется небольшая по численности группа военнопленных. Есть и возрастающая к концу 1930-х гг. группа административных ссыльных. В категории местных жителей, подвергнутых репрессиям, самая массовая группа – участники восстания 1921 г. В ней нередко биографии репрессированных объединяют службу в императорской армии (в царской армии), в армии Колчака (в белой армии), участие в восстании 1921 г. Еще одной группой репрессированных в категории местных жителей, проявившейся наиболее заметно в 1939–1940-х гг., стали родственники участников восстания 1921 г. Восстание определялось как «бандвосстание», участники назывались «бандиты», «бандит», а применительно к этой группе писалось: «такой-то (по степени родства) родственник бандита». Также выделяется группа репрессированных: содержавшиеся в Тобольской и Тюменской тюрьмах, ИТК № 7.

В категории ссыльных, как и категории местных жителей, прослеживается еще одна обязательно в следственном деле фиксируемая черта: указание на социальное положение, чаще всего соотносимое с дорево-

люционным периодом. Указывалось использование семьей наемного труда, количество лиц, привлекаемых на работы, наличие в хозяйстве коров, лошадей, дома и место его расположение. Наиболее часто социальное положение определялось: кулак, торговец, сын кулака, сын торговца, среди ссыльных – дворянин, дворянка (редко). В следственных документах зачастую давалась информация о родственниках и роде их деятельности.

С учетом половой принадлежности несомненно преобладание мужчин, женщины встречаются редко, но они есть как из числа ссыльных, так и местного населения, в том числе и среди представительниц культа. Удельный вес женщин в числе приговоренных к ВМН: по Остяко-Вогульскому оперсектору – 2,3%, по Ямало-Ненецкому – 1,78%, по Тобольскому – 3,8%. Не стали исключением репрессии против женщин, имеющих малолетних детей, с приговорами в виде высшей меры наказания.

Обращает внимание массовая вовлеченность в репрессии служителей культа, только по Тобольскому оперсектору было приговорено к высшей мере наказания 12 исламских религиозных деятелей, 62 – православных. Среди последних – 38,7% приходилось на монашество, при этом из представителей монашества 88% – женщины, в основном Ивано-Введенского и Кондинского монастырей. В этой же группе: жены священнослужителей, бывшие и действовавшие священники, псаломщики, певчие хоры.

Преобладающей возрастной группой репрессированных являлись мужчины 1880-х – первой половины 1890-х годов рождения. Однако встречались и лица в возрасте старше 60 лет.

Остановимся прежде всего на категории репрессированных, прибывших из-за пределов территории, не являвшихся коренными жителями региона. Основную часть в этой категории составили высланные в данную местность. Среди ссыльных были служившие в императорской армии, затем в Белом движении, имевшие непролетарское социальное происхождение, исключенные из партии большевиков во время чисток партии, входившие в антипартийные группы, принадлежавшие некогда к уже запрещенным партиям. Были и те, кто относился к националистическим направлениям на Украине. Значительную часть среди ссыльных представляло духовенство, сосланное в Тобольск. В целом ссыльные являли достаточно пестрый контингент по взглядам и убеждениям, социальному положению в прошлом. Проведенный нами анализ списков расстрелянных по материалам, опубликованным в «Книге расстрелянных» Р.С. Гольдберга, показывает чрезвычайно высокий удельный вес ссыльных расстрелянных по Ямало-Ненецкому и Ханты-Мансийскому (Остяко-Вогульскому) оперсекторам. В ХМНО в группе расстрелянных (1937–1938 гг.) ссыльные составили 52,3% [12. С. 63–172. Подсчет] от общего числа приговоренных к ВМН, в ЯННО – 78,2% (Ямало-Ненецкий оперсектор НКВД) [Там же. С. 7–62. Подсчет]. В Тобольском оперсекторе, где в период 1937–1938 гг. отмечается наибольшее количество расстрелянных в пределах бывшей Тобольской губернии (2 154 чел.) удельный вес ссыльных составил 20,5% [Там же. С. 181–430. Подсчет].

География прибывших в ссылку была очень широкой. В ХМНО и ЯННО преобладали выходцы из Украины, единичные «перебежчики из Польши», один ссыльный Чжан Фы Пун соотнесен с Китаем, С.С. Вирский указан как родившийся в г. Вена Австрии, А.Г. Кан – из Кореи [12. С. 14, 22, 39]. Имелись выходцы из Латвии, Армении, Крыма, городов Ашхабад, Одесса. Среди областей СССР дали наибольшее количество ссыльных Челябинская, Свердловская, Курганская. Вместо областей широко употребляется понятие «губерния». Имеются указания на Лифляндскую, Вятскую, Астраханскую, Московскую, Подольскую, Донскую, Полтавскую, Екатеринославскую губернии, наряду с этим указаны Киевская, Хмельевская, Саратовская, Ростовская области. Употребление понятий «губерния» – «область» на наш взгляд, отражает факт путаницы при составлении списков мест рождений и мест высылки. Богатым ссыльными оказался город Тобольск: только среди расстрелянных в 1937–1938 гг. численность ссыльных составила 442 человека, их география отличается от географии ссыльных в национальных округах: много указано «перебежчиков из Польши» (26 человек), «из Финляндии» (14 чел.), Чехословакии, Турции, Германии. В Тобольске находились ссыльные из Грузии, Армении, Украины, Узбекистана, Латвии, Литвы, Эстонии, присутствует указание на Северный Кавказ и Крым. Политический спектр ссыльных Тобольска: члены партии большевиков, исключенные из партии, бывшие члены партий меньшевиков, грузинских меньшевиков, эсеров, левых эсеров, анархистов, Бунда и дашнаков. Среди ссыльных отмечается наличие большого количества православного духовенства.

Анализ списков репрессированных по Тобольскому оперсектору показывает трагическую судьбу членов бывших социалистических партий. Так, члены партии эсеров были арестованы 8 февраля 1937 г., направлены в Омск, где и были расстреляны 5, 7 августа 1937 г. Достаточно много оказалось в Тобольске бывших членов партий грузинских меньшевиков, анархистов, которые массово приговаривались к высшей мере наказания. Некоторые из числа политических ссыльных, репрессированных по первой категории: Александр Франович Шпаковский, Петр Александрович Макаровский, Израиль Наумович Тавровский-Смоленский, Иван Андреевич Плеханов, Александр Александрович Розенберг, Дмитрий Павлович Реут (в партии с 1902 г.), Иван Давыдович Смирнов, Иван Андреевич Шабалин, поляк Антон Венедиктович Шиманик (Шиманек) – члены партии эсеров, Михаил Исаевич Чоговадзе, Владимир Ясонович Церетели, Мироне Варсонович Циндадзе – бывшие члены партии грузинских меньшевиков, Владимир Сергеевич Худолей-Градин, Юрий Ильич Хоменковский-Изгодин – члены партии анархистов, Айзик Абрамович Светицкий – бывший член партии Бунда [12. С. 295, 331, 345, 346, 358, 388, 404, 405, 421, 428]. Были репрессированы и принадлежавшие к троцкистской оппозиции [10. Д. Р-2032. Т. 9. Л. 129, 458].

Среди вовлеченных в политические процессы 1930-х гг. были и высланные за националистические взгляды (А.А. Разводовский, ВМН, 1937 г., выходец

Польши, «националист, фашист») [10. Д. Р-2032. Т. 9. Л. 96]), за уголовные преступления (П.П. Бадмаев, г. Ленинград, «подпольная адвокатура», репрессирован в Тобольске в 1937 г.) [Там же. Л. 109, 111]. В ссылке в Тобольске находилась «бывшая дворянка» Софья Николаевна Андреаш (ВМН, 1937 г.), из Бессарабии, обвиненная в шпионаже в пользу Польши [Там же. Д. Р-2032. Т. 12. Л. 473]. Среди ссыльных был очень высоко число лиц с высшим образованием. В Тобольске они работали учителями, врачами, бухгалтерами, плановиками, руководителями разного уровня и представляли на тот период, несомненно, основную часть интеллигенции города. Названные в этом абзаце проходили по одному из самых массовых дел (Следственное дело № 4291, в настоящее время – № 2032), относящемуся к 1937 г. По этому делу решение тройки было вынесено 10 октября 1937 г. Всего по нему было арестовано 267 чел., расстреляно 217, 45 приговорены к 10 годам ИТЛ. Обвинение по указанному делу состояло в принадлежности к «контрреволюционной повстанческой организации, которая готовила ликвидацию советской власти путем вооруженного восстания в г. Тобольске в момент нападения Японии на СССР» [Там же. Л. 469]. Указывалось на наличие связей с Харбином через членов организации Ушарова и Заборовского, «которые получали из Харбина от белоэмигрантов – своих родственников, установку и задание о подготовке восстания» [Там же. Л. 470]. Организация была выявлена на территории Тобольского, Вагайского, Байкаловского, Ярковского районов. Дело представлено 12 томами. Показания по делу дали 136 человек, они же назвали основную часть «членов повстанческой группы». Корни этой организации уходили в 1931 г., связывались с архиепископом Артемием Ильинским, приговоренным к ВМН. Уже в этом следственном деле отражена очень распространенная черта в биографиях тобольских ссыльных – у мужчин часто упоминается служба в императорской армии, затем в Белом движении.

Суть недоработок по делу чаще всего раскрывалась в реабилитационном разделе следственного дела. В этом деле реабилитации посвящен 12-й том, до сих пор не рассекреченный. Президиум Тюменского областного суда в декабре 1956 г. по протесту прокурора области Лоскутова и докладу прокурора Бондаренко на решение тройки НКВД Омской области от 10 октября 1937 г., «рассмотрев материалы дела, обсудив доводы, изложенные в протесте», счел, что решение тройки УНКВД Омской области подлежит отмене. Что же было взято за основания отмены дела, т.е. реабилитации обвиненных? Указано, что только 15 человек признали себя виновными по делу. Кроме того, подчеркнуто, что не было найдено «каких-либо документальных или иных материалов о существовании контрреволюционной повстанческой организации», которые должны были отложиться в архивах бывшего УНКВД Омской и Тюменской областей или же в бывшем Тобольском окротделе НКВД [Там же]. Организации не было, а 217 расстрелянных и 45 направленных на 10 лет в ИТЛ были. Анализ материалов следствия, как сказано в Постановлении Президиума Тюменского областного суда от 30 декабря

1956 г. и материалах производственной проверки, показал, что «обвиняемые по настоящему делу были привлечены к уголовной ответственности и осуждены необоснованно». Приговор был отменен [10. Д. Р-2032. Т. 12. Л. 474, 478]. Комиссия по реабилитации отметила, что «показания были не конкретны, во многих случаях противоречивы», «обвиняемые оговаривали себя и других обвиняемых» [Там же. Л. 471]. Противоречия заключались и в том, что те, кто называл членов повстанческой организации, не проходили в показаниях тех, кого они сами называли. Но все это было уже в совершенно другую эпоху, с другими государственными установками, направленными на места.

В самом конце 1930-х гг. среди ссыльных-репрессированных отмечаются высланные с территорий, присоединенных к СССР накануне войны. Ссылка, определяемая как «административная», приходилась на национальные округа: ХМНО и ЯМНО. В следственных документах причины ссылки не указаны. Однако на основании данных о некоторых высланных в пределы Ханты-Мансийского национального округа можно выявить истинные причины ссылки. Сам факт ссылки в следственных делах отступает на второй план. Оказывавшиеся под бдительным присмотром органов местного НКВД административно-ссыльные были обвинены в политических преступлениях против советской власти, совершенных ими уже на территории нового проживания. Так, высланная из д. Бараны Граевского района Белостокской области семья Крушинских включала родителей и пять сыновей 1918–1930 гг. рождения. Женатые сыновья были высланы вместе с женами и малолетними детьми. Их ссылка определялась как «административная высылка на север» [10. Д. 7457. Л. 5 об.]. Среди причин, что отмечаются только в ходе проводимых допросов, – высылка «за мешок муки» [Там же. Л. 8]. Это обстоятельство выглядит достаточно странным, учитывая, что в следственных документах имелось указание на то, что семья располагала в месте своего проживания 8 гектарами земли, хозяйством в 2 лошади и 2 коровы. Обращает на себя внимание прежде всего наличие обширных родственных связей за границей как по линии матери, так и отца. У матери Вишимирской Стефании Францевны в Америке проживали две сестры: Марина Францевна Наргут и Анастасия Францевна Вашкович [Там же. Л. 7 об.]. В Германии проживали родственники отца. Таким образом, по нашему мнению, фактор разветвленных родственных связей за рубежом выступил в данном конкретном случае основным в определении причин высылки в отдаленный район страны – в распоряжение Самаровского НКВД. Однако указывалось на похищенный мешок муки. Высланные находились под бдительным присмотром с использованием агентурной сети Самаровского НКВД из числа прибывших в ссылку в более ранний период. Из материалов следственного дела следует, что показания для политического обвинения уже в пределах ХМНО давали против вновь прибывших высланные в начале 1930-х гг., по всему вставшие, точнее, поставленные перед необходимостью встать, на путь сотрудничества с существующим режимом. Обозначенная вина привлеченных к обвине-

нию на месте ссылки: «высказывались негативно по поводу жизни в СССР», «высказывали клевету о жизни в СССР и восхваляли буржуазный строй», «говорили о материальном положении в Советском союзе», «восхваляли жизнь в Польше». Начальная линия обвинения, что было присуще для основной массы дел, усиливалась за счет указаний на наличие «пораженческих настроений» и ожидания «неизбежной гибели СССР» [10. Д. 7457. Л. 8 об., 11], «агитацию против Советской власти», «восхваление военной техники Германии», «восхваление условий жизни в Германии» [Там же. Л. 17]. Вторая часть обвинений дополнялась тем, что появлялась третья часть обвинений, более весомая. В данном деле она заключалась в том, что репрессированные «ожидали поражения СССР и победу Германии» для более быстрого освобождения и возвращения на Родину [Там же. Л. 27 об.], что в условиях войны с Германией не могло остаться незамеченным и безнаказанным. Последовало осуждение по 58 ст.-10. Ч. 2 УК РСФСР на 10 и 5 лет лишения свободы [Там же. Л. 49]. В данной группе, где у обвиняемых отмечался почти полный цикл среднего образования, обвинения не признавали, обращались с кассационными жалобами в Верховный суд РСФСР. Судебная коллегия Верховного суда РСФСР не оставляла жалобы без внимания. Дела направлялись на новое рассмотрение с повторным допросом основных свидетелей. Процессы рассмотрения дел очень затягивались [Там же. Л. 56–57]. По данному делу решение суда состоялось 9 августа 1945 г. При сохранении той же статьи обвинения, Ханты-Мансийский окружной суд уже созданной Тюменской области, оставив статью обвинения, сократил срок лишения свободы (с 5 до 3 лет), при этом ввел новое наказание – «поражение в избирательных правах на 5 лет, с конфискацией личного имущества» [Там же. Л. 67 об.]. Срок отсчитывался от первого судебного решения.

В отношении этой группы репрессированных реабилитация была проведена по указу РФ «О реабилитации жертв политических репрессий» от 18 октября 1991 г. [Там же. Л. 71].

Обратимся ко второй категории репрессированных – коренным жителям региона, в 1930-е гг. находившегося в составе Омской области. В этой категории вовлеченные в политические процессы 1930-х гг. определялись по своему социальному положению, как кулаки, торговцы, служители культа, родственники помещиков, служителей культа. В основном у репрессированных имелись в биографии такие черты: служба в царской армии, армии Колчака, принадлежность к казачьим подразделениям в Сибири, участие в «бандвосстании 1921 г.». Нельзя не отметить, что Белое движение оставило для советской власти очень хорошее подспорье для проведения в последующем работы по выявлению участников движения. Документы белого движения отличались значительной обстоятельностью в фиксации всех служивших на разных должностях в разного уровня подразделениях, что в последующем составило основательную базу органов НКВД, первоначально для проведения контроля за этими лицами, затем – репрессирования. Такого рода документы Белого движения отложились в

ГАСПИТО (Государственный архив социально-политической истории Тюменской области) после передачи из архива Комитета госбезопасности, Федеральной службы безопасности (Управление агентства Федеральной безопасности РСФСР по Тюменской области) фонд 3894 [17]. Но подобные документы в государственных архивах имеются в ограниченном количестве, и основная часть, как следует полагать, по настоящее время засекречена и осталась там, где она не просто хранилась, но и некогда активно использовалась.

Самым распространенным фактором привлечения населения бывшей Тобольской губернии к политическим процессам являлась служба в императорской и белой армиях. В следственном деле обязательно содержалась графа «Служба в Царской армии», «Служба в белом движении». Военское звание в императорской армии зачастую сохранялось при службе в «Белой армии». Сам Тобольск, как и деревни, его окружавшие, были богато представлены имевшими прошлое в виде службы в царской армии и в Белом движении, прежде всего, в армии Колчака. Среди репрессированных в основном преобладал рядовой состав, но встречались и офицеры. Штабс-капитанами в царской и белой армиях служили Н.Н. Межевой и А.П. Матасов. В Тобольске Н.Н. Межевой, окончивший Томский медицинский институт, перед арестом работал врачом, А.П. Матасов – начальником планового сектора Обьтреста [10. Д. Р-2032. Т. 9. Л. 4, 6, 11]. В репрессии были включены поручики, прапорщики царской и белой армий [Там же. Л. 16, 29, 34, 41, 41 об., 47, 70, 71, 134 об.]. Не мало оказалось репрессировано рядовых участников Первой мировой [Там же. Л. 157, 170, 180, 183, 188, 200, 213, 223, 229, 246, 303, 462, 463]. В основном всех их причисляли к той или иной контрреволюционной повстанческой организации.

При реабилитации в 1950-х гг. основная часть свидетелей еще здравствовала, они заявляли, что таких показаний, как изложено в их протоколах от 1937 г., не давали, «ни о какой контрреволюционной повстанческой организации им ничего неизвестно». Один из свидетелей показал, что в 1937 г. он как председатель сельсовета «под диктовку сотрудников НКВД писал характеристики на арестованных об их прошлой деятельности, но эти характеристики не объективны» [Там же. Л. 472]. Еще 53 свидетеля «не подтвердили фактов проводимой антисоветской агитации обвиняемыми» [Там же. Л. 473], о которой они говорили в 1937 г., когда в том числе, и с учетом их показаний, тысячи человек получили ВМН.

Французский исследователь Ф.-К. Нерар анализировал феномен «доносительства» в эпоху сталинских репрессий. Он связал это явление со стремлением «свести счеты», «защитить себя», проявлением «зависти, страха, мести» [18. С. 292, 296, 298]. Ф.-К. Нерар утверждает, что в рамках Большого террора обращения (доносительство) в органы НКВД требуют особого отношения [Там же. С. 318–319]. Тогда, когда «наказания постепенно ужесточаются... и речь уже идет о жизни тех, чьи действия разоблачают», доносительство, по мнению Ф.-К. Нерара, превращалось в

«сотрудничество в проведении репрессий» [18. С. 318]. На наш взгляд, недоступность документов в виде следственных дел периода сталинских репрессий для изучения – отражение защиты, прежде всего, имен и фамилий тех, кто проводил следствия, входил в тройки, выносил решения, а также давал свидетельские показания, которые сохраняли им жизнь, но подводили черту под жизнью других. С той же успешностью те, кто давал показания на своих близких, знакомых, соседей, коллег по работе в 1930-е гг., в середине 1950-х гг. легко заявляли противоположное тому, что говорили двадцать лет назад.

Одной из самых массовых групп, репрессированных в Западной Сибири в 1930-е гг., среди местных жителей стали участники восстания 1921 г. Восстание 1921 г. на территории Западной Сибири явилось масштабным событием, отразившим размежевание сил, стало показателем отношения к советской власти. Оно охватило не только значительную часть сельскохозяйственных уездов – Ишимского, Ялуторовского, Тобольского, Тюменского, но и северные территории, с временной ликвидацией советской власти в Березово, Сургуте, Обдорске [19. Д. 277. Л. 7]. В ходе восстания связь с северными территориями была вообще потеряна [Там же. Д. 269. Л. 86, 181, 210]. В условиях отсутствия связи с центром губернии при подавлении восстания была определена необходимость «применения крайних мер»: «расстрел без суда и следствия активистов и заложников, а также крупнейших кулаков, обвиняемых в контрреволюционной деятельности» [Там же. Л. 178; Д. 277. Л. 166]. Массовость выступления стала сочетаться с массовыми расправами без суда и следствия над участниками восстания. В документах Тобольского губкома РКП (б) есть указания на «особые успехи» отряда Лопарева [Там же. Д. 277. Л. 146]. Р.С. Гольдберг пишет, что «1921 г. – год жестоко подавленного крестьянского восстания. Тех, кто пал от штыков и сабель регулярной Красной Армии... не считал никто. Заколотые и зарубленные под Тобольском и Ишимом, в сургутских и салехардских снегах, они не проходили хотя бы примитивную процедуру судопроизводства» [20. С. 26]. Но осталось немало тех, кто участвовали в восстании, и не были расстреляны в начале 1920-х гг., и их время наступило в последней трети 1930-х гг.

Репрессированные из числа коренных жителей региона чаще всего либо сами являлись участниками Белого движения, входили в армию Колчака, имели личное отношение к восстанию 1921 г., либо через своих родственников. В силу этого прослеживается группа репрессированных – родственники участников восстания 1921 г., под разными предлогами включаемые в политику репрессий. Зачастую один репрессированный из числа местных жителей соединял в себе принадлежность к категории «кулак», нес в прошлом службу в белогвардейских подразделениях и участвовал в восстании 1921 г. Эта группа репрессированных достаточно многочисленна. Приговоры в их отношении жесткие, с решениями, выносимыми тройками, в виде ВМН. В подобного рода делах прослеживается важная целевая установка репрессий 1930-х гг. – устранение той части населения, которая в условиях

приближающейся войны могла быть менее благонадежной.

По большинству следственных дел периода Большого террора бывшей Тобольской губернии участники восстания 1921 г. – преобладающая группа. Среди них есть и люди с очень приметными чертами биографий, как Н.Н. Богословский, «племянник попа Варнавья» [10. Д. Р-2032. Т. 9. Л. 86], так и огромный массив крестьян, колхозников сел и деревень многих районов западной части Омской области [Там же. Л. 173, 180, 188, 207–301; Т. 12. Л. 461–463], некоторые из которых уже отбывали в предшествующий период наказания за участие в восстании.

Участники восстания 1921 г. проходят по делам 1937, 1938 гг. 7 марта 1938 г. по следственному делу № 8631 был вынесен приговор в виде ВМН по одной контрреволюционной повстанческой группе, ставившей «целью на случай войны СССР с капиталистическими странами, подготовить вооруженное восстание». Они «распространяли провокационные слухи», которые квалифицировались как контрреволюционные, «о тяжелой жизни в СССР», «вели агитацию против мероприятий, проводимых Советской властью: по вопросу о займе, сбору средств испанским рабочим, колхозном строе, Сталинской конституции», а также «разлагали дисциплину». Главной чертой биографий членов этой группы было участие в восстании 1921 г. На момент ареста они работали прорабами, плотниками, счетоводами, пильщиками, зав. складами, сторожами, столярами. Некоторые уже отбыли наказание за участие в восстании 1921 г., как Д.С. Крушинский, «кулак» из дер. Полуяновой Тобольского района, осужденный в 1926 г., затем в 1932 г. на 10 лет, досрочно освобожденный. Аресты были проведены с 14 по 26 февраля 1938 г., арестованные были помещены в Тобольскую тюрьму. Решением тройки уже 11 марта 1938 г. им был вынесен приговор о ВМН [Там же. Д. Р-1962. Т. 1. Л. 118–119]. Расстрелянные по делу № 8631 проходили в акте под №№ от 162 по 171 [Там же. Л. 139].

Дела 1938 г., в отличие от дел 1937 г., более детализированы, имеют больше информации об арестованном. Указывался род деятельности родителей и широкого круга родственников в дореволюционный период, отмечалось участие в восстании 1921 г. личное, самого осужденного либо кого-то из родственников. В целом картина создавалась достаточно обстоятельная и широкая. Нельзя не отметить, что те, кто проходил в решениях выносимых тройками, по меркам того времени имели очень сложные биографии, рассмотренные на достаточно широком временном промежутке и широком фоне родственных связей.

Отличительной чертой дел тех, кто в 1938–1939 гг. был передан на рассмотрение троек, было почти полное принятие всех выдвигаемых обвинений, что отражало, на наш взгляд, полную подавленность воли. Нередко имелось согласие по каждому пункту обвинений, выдвигаемых следователями. Свидетельские показания против обвиняемых давали близкие родственники и те, кто входил в самое близкое окружение: братья, племянники, жены, а также широкий круг «односельцев». В материалах следственных дел –

личные признания о создании контрреволюционных организаций, повстанческих контрреволюционных групп с перечислением фамилий членов этих групп. Обвиняемые указывали на виды работ, которые выполняла группа: «недоброкачественная рубка леса», «работа быстрее», чтобы работа была некачественной, а «качество работы не соответствовало действительному» и «продукция получалась вредительская» [10. Д. Р-1962. Л. 45 об.]. Имелись признания по наводящему вопросу следователя, о ведении «подрывной и вредительской работы», об агитации «против займа “оборона страны», о «действиях “против сбора средств», о «враждебности против проводимых мероприятий партии и правительства» [Там же]. Обвиняемые признавались, что в качестве главной цели их участия в организации было вовлечение «наибольшего числа... разложившихся враждебных лиц». Главным выводом в допросах становился совершенно не логичный вывод, что «в случае войны против СССР» организация намеревалась «поднять восстание и свергнуть Советскую власть» [Там же. Л. 46]. Хотя до этого в обвинении фигурировало то, что «распространяли провокационные слухи», но в резюмирующей части следственного дела круг совершаемых преступлений расширялся до невероятных размеров вредительской деятельности. Виновными члены таких контрреволюционных групп себя признавали. Оговаривали друг друга, что дополнялось оговором и со стороны свидетелей [Там же. Л. 133]. Не признавали предъявляемые обвинения только единицы.

Контрреволюционные группы выявлялись на базе одной деревни или нескольких, от чего создавалась картина сети многочисленных контрреволюционных групп. Так, в деревне Томилова Бакшеевского района Тобольский оперативный сектор Управления НКВД Омской области в начале 1938 г. выявил контрреволюционную группу из представителей двух деревень Бакшеевского сельского совета: Томилой и Бакшеевой. Организатором группы был определен И.Т. Томилов 1877 г. р. [10. Д. Р-2793. Л. 53]. В группу входили то ли родственники, то ли однофамильцы – многочисленные Томиловы [Там же. Л. 54]. Все члены группы имели сходные черты биографии: принадлежность в дореволюционный период к такой категории, как «кулак», и являлись участниками восстания 1921 г. Проходившие по этому делу в основном держались стойко и не признавали себя виновными. Если И.Т. Томилов вину признал, то остальные – нет. Так, житель села Бакшеева И.П. Крушинский 1895 г.р., «кулак» в дореволюционный период, служивший в Царской армии, затем в белой армии, участник восстания 1921 г. [Там же. Д. 2793. Л. 48], деятельность которого в контрреволюционной повстанческой группе была якобы направлена на «развал колхозов», «проведение вредительства в колхозах», вину не признал, принадлежность к контрреволюционной группе отрицал, утверждал, что «о ней ничего не знает», «ничего о группе не слышал» [Там же. Л. 51 об.]. Иногда отказ признать обвинения спасал жизнь. И.Т. Томилов 14 марта 1938 г. был приговорен к расстрелу, остальные – к 10 годам лагерей [Там же. Л. 55, 57–59].

20 декабря 1958 г. это дело было вновь рассмотрено и за отсутствием состава преступления и недоказанностью отменено. Указывалось, что обвиняемые действительно признали себя виновными в том, что «высказывали недовольство недостатками в хлебе, товарах, говорили, что ранее они жили лучше, высказывали недовольство советской властью» [Там же. Л. 98]. Свидетели С.А. Лаптев, Ф.П. Томилов, М.П. Балин, Д.А. Томилов, М.Л. Бакшеев, вновь допрошенные уже в 1958 г., говорили о том, что протокол допроса подписали не читая (Балин М.П.) из-за боязни ареста, и что свои показания отрицают. Свидетели Томиловы в новых исторических условиях утверждали, что «не слышали антисоветских высказываний» обвиняемых. Кроме того, было выявлено отсутствие данных в архивах УНКВД об участии осужденных в восстании 1921 г.

Еще одну группу репрессированных местных жителей образуют родственниками участников Белого движения и участников восстания 1921 г. Родственными связям в политических процессах придавалось существенное значение, хотя это могло возникать в силу расширяющихся квот на репрессии при недостатке реальных фигурантов. В следственном деле выявлялись все возможные родственные связи, то, чем родственники занимались в прошлом и настоящем. Например, в деле Д.С. Крушинского давалась полная характеристика на отца, занимавшегося торговлей скотом с 1907 по 1926 г., отмечалось то, что он был церковным старостой, что, по всему, тоже было не привлекательным явлением для советской власти. Указывалось даже на тех, кто вместе с отцом Д.С. Крушинского занимался торговой деятельностью. Была приведена информация и о дяде – Терентии Семеновиче Крушинском, определяемом в следственном деле «активным участником бандитского восстания», «расстрелянным красными в 1921 г.», а также брате Даниила Семеновича Дмитрие Семеновиче, к тому времени расстрелянном по приговору тройки [Там же. Д. 1065. Л. 3]. В этой группе, привлекаемых к политическим процессам, родственные связи отрабатывались особенно тщательно, им отводилось очень существенное место в следственном деле. По всему, это делалось тогда, когда каких-либо других оснований для репрессирования не было [Там же. Л. 6 об.]. В этой группе отмечается обращение с обжалованием решений. Судебная коллегия по уголовным делам ВС РСФСР жалобы рассматривала, приговоры оставляла без изменений [Там же. Л. 6].

Почему вдруг огромная территория бывшей Тобольской губернии покрылась контрреволюционными группами? Ответ на этот вопрос находим в протоколе допроса оперуполномоченного Тюменского оперсектора Л., который говорил на допросе 1957 г., что «проходящие по многим делам нашего (Тюменского) горотдела НКВД группировки фактически не существовали». Но затем несколько скорректировал сказанное: «Для вскрытия таких группировок времени не хватало»; это означало, что он допускал, что группировки были, но для вскрытия их «времени не хватало». Как появлялась «контрреволюционная группа», оперуполномоченный Л. говорит: «Учитывалась...

принадлежность лица к какой-то группе: церковники, кулаки и т.д., хотя никаких материалов еще и не было». Материалов не было... Но «ордер на арест подписывался». «Ордер на арест подписывался только начальником ГО НКВД или работником, его замещающим», – читаем в протоколе. А затем начинался допрос свидетелей. Группы не было, материалов не было, а арестованные были и появлялись свидетели. «Свидетели выбирались по совместной работе, по знакомству с арестованным». Бывший оперуполномоченный пытался оправдаться: «вести следствие было некогда, т.к. на это не давало времени УНКВД по Омской области», «все время торопили... часто санкция на арест у прокурора не запрашивалась» [16]. В интервью журналисту газеты «Тюменский курьер» в 1987 г. этот же человек рассказывал дополнительно, что из Омска требовали: «Давайте организации!». «Какие организации? ... Да те же опы... они же между собой встречались? Значит – организация!» [21. С. 243]. Далее продолжал: «Нужны были организации, пожалуйста, вам организация» [20. С. 245]. «Того другого пришлешь, пишешь и думаешь, там же “тройка”, может, разберутся... Арестованных представляли организациями». На уточняющий вопрос: «То есть, самих организаций не было?» – следует ответ – «Фактически нет», «В протоколах писали об организациях» [Там же. С. 245].

Еще одной группой, прослеживающейся в каждой из выделенных нами категорий репрессированных в пределах бывшей Тобольской губернии, явилось духовенство при преобладании православного. Репрессированное православное духовенство очень значительно по численности в изученных нами делах. Среди только тех, кто прошел по самому массовому репрессивному делу в Тобольске и был приговорен к ВМН: В.П. Саблуков из Симбирской губернии, П.Г. Помрякин из Куйбышевской области, В.Н. Вавилин из Московской области, А.А. Петровский из Татарской АССР и т.д. Среди репрессированных преобладающая часть – рядовые священники Тобольской епархии [10. Д. Р-2032. Т. 12. Л. 449–455]. Много среди репрессированных было представителей православного монашества, высока доля женщин-монахинь. В числе расстрелянных Ангелина Фалалеевна Кугаевская 1875 г.р., тоболячка, бывшая игуменья монастыря [Там же. Л. 449]. Среди репрессированных в Тобольске отмечается наличие крупных церковных иерархов: Артемий Матвеевич Ильинский, архиепископ Тобольский и Тюменский (Тобольск, ВМН, 30.08.1937), Иван Алексеевич Карабанов, профессор Петербургской духовной академии (Тобольск, ВМН, 30.08.1937), Алексей Петрович Лавров, архиепископ Тобольский (Тобольск, ВМН, 10.11.1937). С 1927 по 1937 г. в пределах ЯННО в ссылке находился Петр Полянский, 12 апреля 1925 г., избранный местоблюстителем патриаршего престола, сосланный в поселок Хэ в устье реки Надым, «убитый в Верхнеуральском политизоляторе» [13. С. 335]. Следующий – глава Московской патриархии, епископ Дмитровский Серафим (Николай Иванович Звездинский), находился в ссылке в Ишиме, где был репрессирован, расстрелян в Омске 26 августа 1937 г. [11. С. 347].

Обращает на себя внимание уничтожение семьи Заборовских: бывший священник села Реполова Георгий Иванович расстрелян 14 октября 1937 г. в Тобольске; Зоя Васильевна, Клавдия Васильевна, Мария Васильевна, Неонила Васильевна – бывшие монахини – расстреляны в Тобольске (10.11.1937, Тобольск), к высшей мере наказания приговорен Георгий Васильевич – священник села Преображенского Тобольского района (15.08. 1937, Тобольск, ВМН), как и его жена Лидия Павловна (Тобольск, 10.11.1937, ВМН) [12. С. 244–245].

Президиум Тюменского областного суда, рассматривая в 1950-х гг. дела, решения по которым выносились тройками, отменяя приговоры [10. Д. 2793. Л. 189], указывал на сходные черты дел: обвиняемые путались в показаниях; не могли точно назвать организаторов контрреволюционных групп, называли разных лиц; тройки не устанавливали, кто именно являлся организатором. Отмечалась «возможность оговора со стороны обвиняемых, как себя, так и других», шаблонно повторялось и то, что сведений о контрреволюционных группах в материалах УКГБ-УМВД не значилось. Вновь опрошенные бывшие свидетели заявляли, что об «антисоветской деятельности обвиняемых им ничего не известно». Анализировались свидетельские показания 1930-х гг., в которых «не указывалось, откуда им стало известно о контрреволюционной организации, о ее участниках». Свидетели, опрошенные в 1956–1958 гг. [Там же. Л. 190], заявляли, что их показания следователи излагали «не объективно», они были написаны «под диктовку следователя». На основании всего установленного и содержания Указа Президиума Верховного Совета СССР от 19 августа 1955 г. Президиум Тюменского областного суда принимал решения о прекращении дел за отсутствием состава преступления» по ст. 58, ссылаясь на недоказанность состава преступления [Там же. Л. 191].

Статистика политики репрессий отражает ее полный цинизм по отношению к человеческим жизням. По данным Н. Верта, во внесудебном порядке с 1921 по 1953 г. было осуждено 4 060 306 чел. Из них приговорены к ВМН – 799 455, к ИТЛ – 2 631 397 чел. На 1937–1938 гг. приходится 1 344 923 репрессированных, из них приговорили к ВМН 681 692, к ИТЛ – 634 820 чел. [3. С. 419–420]. Таким образом, в период 1937–1938 гг., если придерживаться данных Н. Верта, было расстреляно 85,2% от всех расстрелянных в период с 1921 по 1953 г., при том что на эти годы приходится 30% репрессированных за весь период. Удельный вес расстрелянных к числу репрессированных в этот период составляет 50,6%, тогда как, при использовании данных за весь период, удельный вес расстрелянных снижается до 19,6% по отношению к общему числу репрессированных.

Массовые расстрелы стали основной чертой Большого террора. Расстреливали: в Тюмени – в подвале здания НКВД на углу улиц Республики и Семикова; в Тобольске – в тюремных помещениях, во дворе Тобольской тюрьмы; в Остяко-Вогульске – в помещении овощехранилища рядом с окружным отделом НКВД; в Ишиме – в подвале бывшего купеческого дома; в Салехарде – в милицейском клубе [14.

С. 57]. В интервью журналисту одной из тюменских газет бывший оперуполномоченный Тюменского ГО НКВД на вопрос, кто приводил приговоры в исполнение, отвечает: «Кто? Мы! Оперативный состав! В натуре это очень просто выглядело! Как проводилось? Комендант отвечал за приведение приговора в исполнение. Комендант был Бурдин. Он для приведения приговоров в исполнение оборудовал в подвале специальную комнату. Там раньше был складик. Стены обил, чтобы не было слышно выстрелов. В этом складе расстреливали, а потом увозили на Затюменское кладбище... Могилы там копали милиционеры... Кто расстреливал – назначал Петров. Всех заставляли...». Чтобы кто-то категорически отказался, не помнит [21. С. 247]. На вопрос, были ли желающие, отвечает уклончиво: «Не сказал бы!» Выявленные Р.С. Гольдбергом документы показали, что оперуполномоченный В. Скардин «отлично проявил себя при исполнении приговоров “тройки”, на 21 марта 1938 г. привел в исполнение приговоров “тройки” в 400 человек, осужденных к ВМН». Оперуполномоченный Л. (Ляпцев Давид Семенович, 1905–2000 г. Тюмень) в 1938 г. был переведен в Тобольск на повышение, там руководил «курсантами из Омска». Рассказывал со знанием дела, что в Тобольске расстреливали и хоронили в одном месте, из-за того, что место было мало, «укладывали одних на других». Отмечал: «Тут и трупы лежат, и новых привозят на расстрел»... Несколько раз обронил: «в Тюмени более культурно расстреливали... мертвые за загородкой... вы вещи оставили, зашли, вам объявляют приговор, ставят на колени и расстреливают... Стреляют, конечно, в затылок... Потом контрольный выстрел в висок... Потом, конечно, грузили, заворачивали в эти... полога... чтобы машину не испачкать. Заворачивали и увозили» [21. С. 248]. Видимо, этой «некультурной» работой он и занимался в Тобольске вместе с курсантами...

Хоронили (или закапывали): в Тюмени – на окраине Затюменского кладбища (сейчас территория торгового центра «На Ямской»); в Ханты-Мансийске – на месте овощехранилища, превращенного в братскую могилу (на этом месте установлен памятник А. Пушкину и Н. Гончаровой); в Ишиме трупы возили за город на Лысую гору; в Салехарде хоронили под полом ведомственного учреждения культуры [14. С. 57]; в Тобольске – на хозяйственном дворе Тобольской тюрьмы.

Таким образом, анализ дел репрессированных в пределах бывшей Тобольской губернии периода конца 1930-х гг. позволяет, с учетом принадлежности к территории, выделить две основные категории репрессированных: местные жители и прибывшие из-за пределов территории, а также ряд внутренних групп. Отмечается преобладание среди репрессированных мужчин, прежде всего, 1880-х – первой половины 1890-х гг. рождения, наличие (личное или у родственников) в прошлом службе в царской и белой армиях, участие (личное или родственников) в восстании 1921 г. Содержание репрессий периода Большого террора отражает логику репрессий – направленность на уничтожение членов бывших политических партий, военнопленных, «перебежчиков» в СССР, исключенных из большевистской партии, религиозных деятелей. Отно-

сительно последних проявилась особая рьяность, без учета возраста, половой принадлежности. В пределах Тобольского оперсектора прослеживается массовое уничтожение через расстрелы женщин-монахинь. В целом трудно согласиться с идеей о социальной опас-

ности для государства, даже в условиях надвигавшейся войны, многих групп репрессированных, и прежде всего женщин с малолетними детьми, религиозных деятелей, многих рядовых, служивших в императорской армии в годы Первой мировой войны.

ЛИТЕРАТУРА

1. Хаустов В.Н. Основные факторы, определившие репрессивную политику советского государства // История сталинизма: репрессированная российская провинция : материалы междунар. науч. конф. Смоленск, 9–11 октября 2009 г. / под ред. Е.В. Кодиной. М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН); Фонд «Президентский центр Б.Н. Ельцина», 2011. 599. С. 9–15.
2. Романенко К.К. Спасительный 1937-й. Как закалялся СССР. М. : Яуза-пресс, 2012. 288 с.
3. Верт Н. Террор и беспорядок. Сталинизм как система Верт / [пер. с фр. А.И. Пигалева]. М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН); Фонд Первого Президента Б.Н. Ельцина, 2010. 447 с.
4. Уйманов В.Н. Репрессии. Как это было... : Западная Сибирь 20-х – начала 50-х годов / под. ред. Ю.В. Куперта. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1995. 334 с.
5. Папков С.А. Обыкновенный террор. Политика сталинизма в Сибири. М. : РОССПЭН, 2012. 440 с.
6. Книга памяти жертв политических репрессий Новосибирской области / под ред. В.Н. Денисова, С.А. Папкова. Новосибирск : Сова, 2005. Т. 1. 436 с. Серия «История сталинизма».
7. Уйманов В.Н. Ликвидация и реабилитация : политические репрессии в Западной Сибири в системе большевистской власти (конец 1919–1941 гг.) / науч. ред. Н.С. Ларьков. Томск : Изд-во Том. гос. ун-та, 2012. 562 с.
8. «Боль людская»: Книга памяти томичей, репрессированных в 30–40-е и начале 50-х годов / [Управление КГБ СССР по Томской области; сост. В.Н. Уйманов, Ю.А. Петрухин]. Томск : [б.и.], 1991. [Кн. 1]. 400 с.; Вып. 2. / [Управление АФС РФ по Томской области; сост. В.Н. Уйманов]. Томск : [б.и.], 1992. 439 с.; Вып. 3. Томск : [б.и.], 1992. 464 с.; Вып. 4. Томск : [б.и.], 1994. 384 с.; Т. 5. Томск : Изд-во Том. гос. ун-та, 1999. 384 с.
9. 1937 г.: память и уроки : материалы межрегион. науч.-практ. конф. (14–15 декабря 2007 г., Тюмень) / ред. кол.: С.С. Пашин (отв. ред.) и др. Тюмень : Вектор Бук, 2007. 96 с.
10. Архив Регионального управления ФСБ РФ по Тюменской области. Ф. 5. Оп. 38.
11. Книга расстрелянных. Мартиролог погибших от рук НКВД в годы большого террора (Тюменская область) : в 2 т. / сост. Р.С. Гольдберг. Тюмень : Тюменский курьер, 1999. Т. 1. 512 с.
12. Книга расстрелянных. Мартиролог погибших от рук НКВД в годы большого террора (Тюменская область) : в 2 т. / сост. Р.С. Гольдберг. Тюмень : Тюменский курьер, 1999. Т. 2. 464 с.
13. Гольдберг Р.С. Книга расстрелянных. Мартиролог погибших от рук ВЧК-ОГПУ-НКВД в годы «красного террора» (Тюменская область) : в 3 т. Тюмень : Тюменский курьер, 2004. Т. 3. 408.
14. Петрушин А.А. 1937-й // 1937 г.: память и уроки : материалы межрегион. науч.-практ. конф. (14–15 декабря 2007 г., Тюмень) / ред. кол.: С.С. Пашин (отв. ред.) и др. Тюмень : Вектор Бук, 2007. С. 55–58.
15. УК РСФСР. Редакция 1926 г. URL: www.kodeks-luks.ru/ciws/site?tid=o&nd=90175374&nh=1 (дата выхода: 15 марта 2017 г.).
16. «Операция 1937 г. и тюменские «операторы» // Книга расстрелянных. Мартиролог погибших от рук НКВД в годы Большого террора (Тюменская область) : в 2 т. / сост. Р.С. Гольдберг. Тюмень : Тюменский курьер, 1999. Т. 1. С. 236–240.
17. Государственный архив социально-политической истории Тюменской области (ГАСПИТО). Ф. 3984. Оп. 1.
18. Нерар Ф.-К. Пять процентов правды. Разоблачение и доносительство в сталинском СССР (1928–1941 гг.) / Ф.-К. Нерар; [пер. с фр. Е.И. Балаховской]. М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН); Фонд «Президентский центр Б.Н. Ельцина», 2011. 398 с. (История сталинизма).
19. ГАСПИТО. Ф. 1. Фонд Губернского комитета. Оп. 1.
20. Гольдберг Р.С. Урок, который не стал уроком // 1937 год: память и уроки : материалы межрегион. науч.-практ. конф. (14–15 декабря 2007 г., Тюмень) / ред. кол. С.С. Пашин (отв. ред.) и др. Тюмень : Вектор Бук, 2007. С. 25–29.
21. Последний из НКВД // Книга расстрелянных. Мартиролог погибших от рук НКВД в годы большого террора (Тюменская область) : в 2 т. / сост. Р.С. Гольдберг. Тюмень : Тюменский курьер, 1999. Т. 1. С. 241–252.

Статья представлена научной редакцией «История» 17 октября 2018 г.

THE LOGIC OF REPRESSION IN THE LATE 1930S WITHIN THE FORMER TOBOLSK PROVINCE

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2018, 437, 124–135.

DOI: 10.17223/15617793/437/18

Galina Yu. Koleva, Industrial University of Tyumen (Tyumen, Russian Federation). E-mail: gukoleva@gmail.com

Keywords: political processes; repressions; death penalty; forced labor camps; the arrested; categories and groups of the repressed.

Based on the archival documents introduced into scientific discourse, the article sets an aim to trace the logic of repression in a provincial part of the USSR, the western part of the Omsk Region, coinciding with the boundaries of the former Tobolsk Province, the future Tyumen Region. Repression is seen through the main categories and groups the author singled out that were involved in the political processes within the designated territory in the last third of the 1930s, i.e. in the period determined by the time of the “Great Terror”. Documents used are investigation files from the Archive of the Regional Directorate of the Federal Security Service of the Russian Federation for the Tyumen Region, Fund 5, List 38. The main categories of the repressed, taking into account belonging to the territory, according to the documents identified, are the exiled (for political and administrative reasons) and local residents. Groups of repressed persons are identified on the basis of the main factor reflected in the investigation documents, which became the main conditions for involving in political processes. The following groups were determined: (1) people serving in the Tsarist army, participants of the White Movement; (2) participants in the Uprising of 1921, which was the most mass part of the repressed; (3) “kulaks”, traders, relatives of representatives of this group; (4) the exiled: excluded from the Bolshevik party, members of former socialist parties, the exiled having relatives abroad, bearers of nationalist convictions. A special group of the repressed, quite massive, is formed by the Orthodox clergy and their relatives, both among the exiled and local residents; they had different places of service at the time of arrest and in the past. The group of the participants in the Uprising of 1921 is the most massive in 1937–1938, the following two years this group was replenished with relatives of the participants in this uprising. Even relatives of those who were shot during the uprising were also repressed. The proportion of women in the political processes was, according to the author’s

data, not more than 2%. There is evidence that the woman's having little children was not an obstacle in the imposition of the sentence in the form of a death penalty. Most of the repressed were born in 1888–1895. The oldest among the repressed and sentenced to a death penalty, according to the documents studied, was 84 years old. The analysis of the documents allows concluding that the terror of the late 1930s was aimed at the extermination of people with flaws in biographies.

REFERENCES

1. Khaustov, V.N. (2011) [The main factors that determined the repressive policy of the Soviet state]. *Istoriya stalinizma: repressirovannaya Rossiyskaya provintsiya* [History of Stalinism: the repressed Russian province]. Proceedings of the International Conference. Smolensk. 9–11 October 2009. Moscow: Rossiyskaya politicheskaya entsiklopediya (ROSSPEN); Fond "Prezidentskiy tsentr B.N. El'tsina". pp. 9–15. (In Russian).
2. Romanenko, K.K. (2012) *Spasitel'nyy 1937-y. Kak zakalyalsya SSSR* [The Saving 1937. How the USSR was tempered]. Moscow: Yauza-press.
3. Vert, N. (2010) *Terror i besporyadok. Stalinizm kak sistema* [Terror and Disorder. Stalinism as a system]. Translated from French by A.I. Pigalev. Moscow: Rossiyskaya politicheskaya entsiklopediya (ROSSPEN); Fond Pervogo Prezidenta B.N. El'tsina.
4. Uymanov, V.N. (1995) *Repressii. Kak eto bylo...: Zapadnaya Sibir' 20-kh – nachala 50-kh godov* [Repression. How it was: Western Siberia of the 1920s – early 1950s]. Tomsk: Tomsk State University.
5. Papkov, S.A. (2012) *Obyknovennyy terror. Politika stalinizma v Sibiri* [Ordinary Terror. The policy of Stalinism in Siberia]. Moscow: ROSSPEN.
6. Denisov, V.N. & Papkov, S.A. (ed.) (2005) *Kniga pamyati zhertv politicheskikh repressiy Novosibirskoy oblasti* [Book of memory of victims of political repression of Novosibirsk Oblast]. Vol. 1. Novosibirsk: Sova.
7. Uymanov, V.N. (2012) *Likvidatsiya i reabilitatsiya: politicheskie repressii v Zapadnoy Sibiri v sisteme bol'shevistskoy vlasti (konets 1919–1941 gg.)* [Liquidation and rehabilitation: political repression in Western Siberia in the system of Bolshevik power (late 1919–1941)]. Tomsk: Tomsk State University.
8. Uymanov, V.N. (ed.) (1991–1999) *"Bol' lyudskaya": Kniga pamyati tomichey, repressirovannykh v 30–40-e i nachala 50-kh godov* ["People's pain": the memory book of Tomsk citizens repressed in the 1930s–1940s and in the early 1950s]. Is. 1–5. Tomsk: Tomsk State University.
9. Pashin, S.S. et al. (eds) (2007) *1937 g.: pamyat' i uroki* [1937: memory and lessons]. Proceedings of the Interregional Conference. Tyumen. 14–15 December 2007. Tyumen: Vektor Buk.
10. Archive of the Regional Directorate of the Federal Security Service of the Russian Federation for the Tyumen Region. Fund 5. List 38. (In Russian).
11. Gol'dberg, R.S. (1999) *Kniga rasstrelyannykh. Martirolog pogibshikh ot ruk NKVD v gody bol'shogo terrora (Tyumenskaya oblast'): v 2 t.* [The book of the shot. A martyrology of those killed by the NKVD during the years of the Great Terror (Tyumen Oblast): in 2 vols]. Vol. 1. Tyumen: Tyumenskiy kur'er.
12. Gol'dberg, R.S. (1999) *Kniga rasstrelyannykh. Martirolog pogibshikh ot ruk NKVD v gody bol'shogo terrora (Tyumenskaya oblast'): v 2 t.* [The book of the shot. A martyrology of those killed by the NKVD during the years of the Great Terror (Tyumen Oblast): in 2 vols]. Vol. 2. Tyumen: Tyumenskiy kur'er.
13. Gol'dberg, R.S. (2004) *Kniga rasstrelyannykh. Martirolog pogibshikh ot ruk VChK-OGPU-NKVD v gody "krasnogo terrora" (Tyumenskaya oblast'): v 3 t.* [The book of the shot. A martyrology of those killed by the VChK-OGPU-NKVD in the years of the Red Terror (Tyumen Oblast): in 3 vols]. Vol. 3. Tyumen: Tyumenskiy kur'er.
14. Petrushin, A.A. (2007) [1937]. *1937 g.: pamyat' i uroki* [1937: memory and lessons]. Proceedings of the Interregional Conference. Tyumen. 14–15 December 2007. Tyumen: Vektor Buk. pp. 55–58. (In Russian).
15. Criminal Code of the RSFSR. Version of 1926. [Online] Available from: www.kodeks-luks.ru/ciws/site?tid=o&nd=90175374&nh=1. (Accessed: 15.03.2017). (In Russian).
16. Gol'dberg, R.S. (1999) "Operatsiya 1937 g. i tyumenskie "operatory" [Operation of 1937 and Tyumen operators]. In: Gol'dberg, R.S. *Kniga rasstrelyannykh. Martirolog pogibshikh ot ruk NKVD v gody bol'shogo terrora (Tyumenskaya oblast'): v 2 t.* [The book of the shot. A martyrology of those killed by the NKVD during the years of the Great Terror (Tyumen Oblast): in 2 vols]. Vol. 1. Tyumen: Tyumenskiy kur'er.
17. State Archive of the Social and Political History of Tyumen Oblast (GASPITO). Fund 3984. List 1. (In Russian).
18. Nerard, F.-X. (2011) *Pyat' protsentov pravdy. Razoblachenie i donositel'stvo v stalinskom SSSR (1928–1941 gg.)* [Five percent of truth. Exposing and informing in the Stalinist USSR (1928–1941)]. Translated from French by E.I. Balakhovskaya. Moscow: Rossiyskaya politicheskaya entsiklopediya (ROSSPEN); Fond "Prezidentskiy tsentr B.N. El'tsina".
19. State Archive of the Social and Political History of Tyumen Oblast (GASPITO). Fund 1. *Fond Gubernskogo komiteta* [Fund of the Provincial Committee]. List 1.
20. Gol'dberg, R.S. (2007) [A lesson that did not become a lesson]. *1937 g.: pamyat' i uroki* [1937: memory and lessons]. Proceedings of the Interregional Conference. Tyumen. 14–15 December 2007. Tyumen: Vektor Buk. pp. 25–29. (In Russian).
21. Gol'dberg, R.S. (1999) *Posledniy iz NKVD* [The last of the NKVD]. In: Gol'dberg, R.S. *Kniga rasstrelyannykh. Martirolog pogibshikh ot ruk NKVD v gody bol'shogo terrora (Tyumenskaya oblast'): v 2 t.* [The book of the shot. A martyrology of those killed by the NKVD during the years of the Great Terror (Tyumen Oblast): in 2 vols]. Vol. 1. Tyumen: Tyumenskiy kur'er.

Received: 17 October 2018